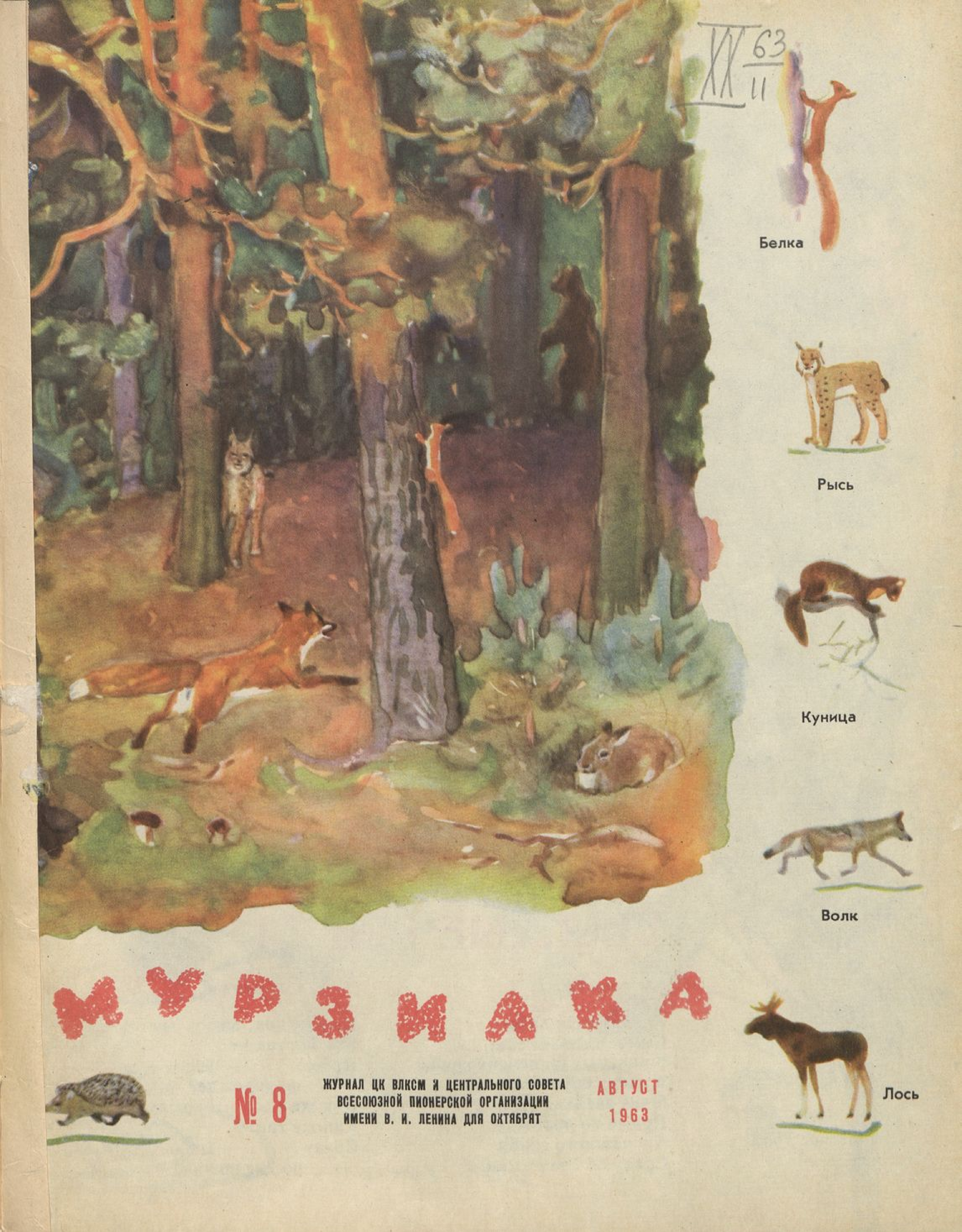

МУРЗИЛКА

№ 8

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

АВГУСТ 1963

ВЕСЁЛЫЕ ГРИБЫ

Владимир ОРЛОВ

Рис. В. ЛОСИНА

Удивляются дубы,
Сосны удивляются:
В красных шапочках грибы
К озеру спускаются.
Мчит весёлая гурьба
Прямо по дорожке,
А у каждого гриба
Сразу по две ножки.

Как же так,
Как же так —
Прямо
по дорожке?
Как же так,
Как же так —
Сразу
по две ножки?

— Что вы, сосны
И дубы,
Мы ведь вовсе
Не грибы!
Не маслята,
Не опята —
Это просто мы —
Ребята!

В ПАНАМСКОМ КАНАЛЕ

(Продолжение)

В. КОРЖИКОВ

Рис. А. КОКОРИНА

Долго шёл наш теплоход. Борта у него солёной шкуркой покрылись. А у нас от жары кожа лупится, клочьями сползать стала.

Вот и Америка. Сквозь неё проходить будем. Из Тихого океана в Атлантический. По Панамскому каналу.

Раньше этого канала не было. Америка большая. Через всю Землю с севера на юг вытянулась. Посередине узкая, вот-вот сама пополам разорвётся. Вот и прорыли люди в самом узком месте канал. Строили его рабочие многих стран, а заняли американцы. И у всех деньги за проход берут.

Подошли к нам два катера. С одного американские солдаты стали подниматься на палубу. У каждого на левом боку дубинка, на правом — пистолет. Спрашиваю я у вахтенного:

— Зачем они к нам?

— Охрана. На все советские пароходы её выставляют. Силу свою показывают. В прошлый раз, когда я через Панаму шёл, они и по каютам лазили.

Вот так охрана! Нужно каюту свою закрыть!

Осмотрели американцы судно. Радиорубку закрыли. Постовых везде поставили.

А со второго катера рабочие-швартовщики подниматься стали. Загорелые. Панамцы. Весело здороваются. Руки нам пожимают. Американцев стороной обходят.

У всех на рубахах — квадратные нашивки. На них написано: «Рабочий Панамской судовой компании». Как клеймо на человека поставили.

Тем временем мы к каналу подошли. Впереди мост виден. Северную Америку с Южной соединяет. Мачты у нас высокие, как бы не сломать об него! Вот уже и под

мост движемся. Что сейчас будет? Задрал я голову, затаил дыхание. А теплоход раз — и спокойно прошёл. Мост высоко-высоко над головой оказался. Тут со всех сторон птицы кричать стали, крыльями хлопать. У одних под клювом мешок. Ныряют в воду, а оттуда взлетают с рыбиной в клюве. Это пеликаны. Я их раньше в Москве, в зоопарке, видел. А вот фламинго! Розовые крылья раскрывают. Вода вокруг алой становится.

По берегам пальмы развесили зелёные листья. Всё здесь цветное. Люди в красных купальниках на белых лодках покачиваются, нас разглядывают. У многих очки зеркальные сверкают. Деревья вдалеке тоже в ярких цветах. И даже домишки разноцветные. А мне уже нашего холода хочется!

В ШЛЮЗАХ

Говорят, мы на теплоходе через гору перебираться будем.

И верно. Зашли мы в узкий канал. Стенки бетонные, скользкие. Сверху по берегам два маленьких тепловоза встали. Взяли они нас на буксир. Вверх по рельсам покатились, а мы по воде двинулись. Скоро прошли мимо каких-то громадных раскрытых ворот и остановились перед другими, закрытыми. Задние ворота сдвинулись, и оказались мы на дне глубокой сырой ямы. «Шлюз» называется. Тут передние ворота приоткрылись, и вода полилась, забурлила. Наполнять шлюз стала. Вода поднимается и нас поднимает. А вот и самый верх! Опять тепловозики выглянули. Пальмы над нами наклонились:

«Ну, как поживаете?»

А мост, которого я боялся, оказался внизу. Как будто мы на ступеньку поднялись. Перешли мы в верхний шлюз, а в него опять, как в корыто, воду подливать стали. И снова мы вверх поднялись. Так и перебирались целый день по шлюзам-ступенькам через гору.

НА БЕРЕГУ

По берегу полицейские расхаживают. Все толстые. Ботинки и щёки сверкают, будто их одной бархаткой драили. Чуть подальше — богатые дома-коттеджи стёклами сверкают. Перед ними белые люди сидят покуривают.

На тепловозах тоже белые. Янки.

А внизу негры работают. Один негр траву подстригает, второй с асфальта мусор метёт. Белые рук не пачкают!

Скоро нас леса обступили. Воздух влажный, горячий. Кажется, зажми его в кулак, вода брызнет. Снял я майку — вся мокрая.

По бокам канала болота. А в болотах негры стоят по колено. Грязь вычерпывают. Худые, чёрные, в порванных рубахах. Загнали их канал чистить.

Так и канал пятьдесят лет рыли. Привезли рабочих из разных стран. В болота, в леса бросили. Крокодилы кругом. Малярия людей убивала. Голод валил. Много людей здесь погибло.

АМЕРИКАНЦЫ

Расселись американские солдаты у нас на палубе. Курят. Жуют. Целый день челюстями работают. Из ящиков апельсины достают, бутерброды, кур жареных. Сначала янки нажуются, а потом уж солдаты-негры подходят. Вместе им не положено. Белым что получше, чёрным — что осталось. Едят, на начальника, на капрала, поглядывают. Капрал злой. Чуть покажется ему, что солдат с нами заговорить собирается, отзовёт солдата к себе и другого на его место ставит. С одним солдатом я всё-таки поговорил. Мимо болота мы шли. Спрашиваю его:

— Крокодилы здесь водятся?

Огляделся он сначала боязливо, нет ли капрала, и говорит мне тихо:

— Есть крокодилы, аллигаторы! — и опять оглянулся. Видно, капрала больше аллигатора боится.

Один наш машинист вынес баян. Сначала вальсы стал наигрывать. Капрал под них даже веселее жевать начал. А машинист мехи развёл да как заведёт «Интернационал». Капрала словно пятаком по лбу шлёпнуло. Красное пятно выступило. Забегал. На солдат покрикивает. Чтобы не слушали, что ли?

А я радуюсь. Ничего он сделать не может. Нашими песнями ему не командовать!

Из городка, с

берега, нам баржа продукты привезла. На барже опять негры работали. Выгрузили они всё, а потом самый старый из них, хромой, пришёл к нам, остановился у столовой, осторожно к двери подвинулся, говорит:

— Негры хотят есть.

Мы чай пили. Пригласили его. Мнётся. Головой качает.

— Нам нельзя с белыми. Увидит хозяин — плохо будет.

Завернули мы ему в бумагу буханку хлеба, рыбу жареную. Заковылял он на баржу. Там, в темноте, присели они тихо на борт, разделили всё, поужинали...

Старик ещё раз к нам поднялся, поцеловал свою ладонь, погладил ею борт нашего парохода и говорит:

— Советский пароход — хороший пароход.

ПАНАМЦЫ

Весь день у нас на палубе работали панамские швартовщики. Смуглые, крепкие. Мускулы на руках у них как кокосовые орехи. Панамцы тянули стальные тросы. Принимали буксир с тепловоза. А когда собирались вместе, шумели, курили толстые сигары. И напевали какие-то песни.

Подошёл я к ним. Один, маленький, толстый, спрашивает:

— Судно идёт на Кубу?

— Да, — отвечаю, — в Гавану.

Зашумели они.

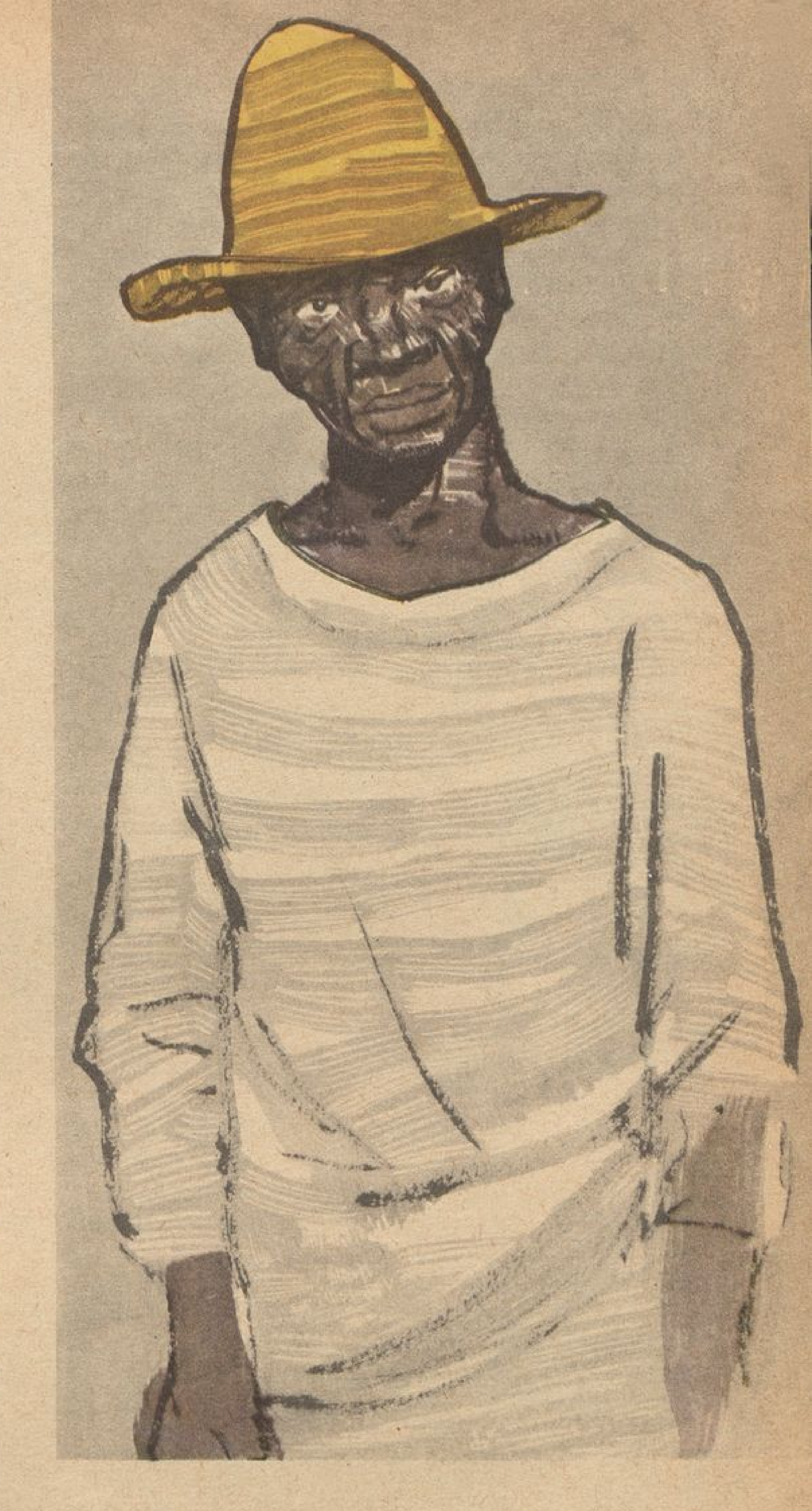
— Хорошо! — говорят. — Молодец Фидель! Браво, Фидель!

Капрал рядом вертится, с тепловоза американец сердито смотрит. А они смеются, подмигивают — не любят они хвастливых и заносчивых янки. А маленький панамец говорит:

— Будет и у нас свой Фидель.

Вышли мы в Атлантический океан. И снова к борту два катера причалили. На один военная команда спустилась. На другой панамцы сходят.

Сошли все. Один капрал остался — проверять что-то. Вдруг панамский катер закачался. Выпрыгнул из него маленький толстяк и бегом вверх, ко мне. Жмёт руку, головой качает: как это самое главное забыл! «Привет Фиделю, — говорит, — привет Кубе!»

Застучали моторы. Ушли катера. Заработал у нас за кормой винт. Забурлила вода. Прощай, Америка! Впереди нас дельфины заиграли. Летят вперёд, на Кубу путь показывают.

Обязательно передам привет Фиделю!

(Продолжение в следующем номере)

Подели калачи

Задача-шутка

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ
Рис. В. СТЕРЛИГОВА

Пятьсот усачей,
Да пятьсот силачей,
Да пятьсот удалых трубачей
В исполинской печи
Испекли калачи,
Испекли в ней пятьсот калачей.
Подели калачи,
Всем по штуке вручи,
Никого не забудь, не обидь:

Должен каждый усач,
И силач,
И трубач
Свой румяный калач получить.

Не выходит?.. Помочь?
Что ж, помочь я не прочь!
Я в секрет посвящаю ребят:
Силачи для красы
Отрастили усы
И в блестящие трубы трубят.

СВЕЧА

Николай ***ТЕРЕХОВ*** — *Рис. Н.* ***УСТИНОВА***

Там, где Ваське нужно поворачивать к мосту, стоит за высоким дощатым забором изба. Изба невысокая, под соломенной крышей, как и многие в хуторе. Но именно мимо этой он всегда старается пройти побыстрее.

Каждый раз, когда Васька проходит мимо, по брёвнам, сложенным во дворе, взбирается старый пёс Шурки Синюхина. Пёс кладёт лапы на забор, на лапы — губастую косматую голову и, позванивая цепью, начинает лаять. Лает лениво и равнодушно, будто ему надоело. Пёс вредный. Он молча никогда не пропустит Ваську. Но не так надоедлив пёс, как его хозяин, Шурка Синюхин. Шурка всегда сидит дома. Отец и мать на работе, а он нянчит свою меньшую сестрёнку. Ему скучно. И потому всякий раз, когда над забором поднимается пёс, рядом с ним высовывается голова Синюхина. Вот она и сейчас рядом.

— Эй, рыбак! Нынче ты поймаешь во какую рыбину.

Он сжимает ладонь правой руки в кулак, сворачивает внушительную фигу и смеётся.

Васька старается быть равнодушным. Он не связывается с Шуркой, идёт на мост. Некогда и не хочется. Когда он будет идти с рыбалки, Шурка обязательно его спросит:

— На развод рыбы оставил?

Этот дурацкий вопрос он задаёт всякий раз, когда Васька идёт ни с чем. И как это Шурка умеет угадывать? А ни с чем Васька возвращается часто. Такое уж рыбацкое дело. Нынче поймаешь, а завтра нет.

Но сегодня день был хороший. Жарища. Безветрие. Рыбалка должна быть отменная. Васька прошёл мимо Синюхиных. Перекинул с одного плеча на другое рюкзак с замками-«молниями» на карманах. Шурка съехидничал ещё раз вслед:

— Не показывай рыбе эту торбу, напугается, — и добавил: — Отнеси её конюху, он Пегарку из неё кормить будет.

Шурка расхохотался. Пёс взъярился, залаял, захрипел.

Васька взошёл на мост. За мостом виднелся зелёный луг, за лугом — лес, а в этом лесу было озеро. В стороне от озера слышался рокот трактора. Васька с моста повернул не к озеру, а туда, где трактор пахал землю под овощную плантацию. Время клёва ещё не началось, а ему нужно было набрать червей. Набирал он их в свежей борозде.

Вот и пашня. Чёрные волны сырой земли чуть заметно дымились под палящим солнцем. Идти по пашне неудобно: рыхлые пласты осыпаются под ногами. Васька, прыгая с одного вала на другой, пробирался к нераспаханному клину. Старенький трактор «натик» дяди Митрофана Горина, Васькиного соседа, медленно уходил в другой конец загона. Он то трещал, надрываясь, то, затихая, урчал и останавливался, потом снова трещал и шёл дальше. Стая грачей взлетала над бороздой и опускалась. Грачи подбирали выпаханных червей. Васька прибавил шагу и стал бросать комья земли в грачей.

В конце клина «натик» остановился. Дядя Митрофан вылез из кабины.

— Барахлит! — крикнул он мальчику. — Наверно, свечи загорели.

Он поднял капот; горячий бок мотора пахнул жаром.

— А к вечеру — умри! — распахать надо клин.

Он вывернул свечи, протёр их тряпицей и, рассматривая по одной, воскликнул:

— Э-э! Да тут совсем дела паршивые!

Одна свеча лопнула, а запасной у дяди Митрофана не было. Васька, сочувствуя, сопнул носом, вздохнул, почесал затылок. Он понимал, что дела у дяди Митрофана неважные, а помочь ничем не мог — в тракторном деле он не смыслит. Вот если бы насчёт рыбалки... Какую, скажем, насадку или приманку любят сазан, окунь — он знает. Знает Васька лучшие места на озере, а вот насчёт трактора...

— Ну, что будем делать? — спросил дядя Митрофан.

— Не знаю, — вздохнув, ответил Васька. — Мы в школе этого ещё не проходили.

Дядя Митрофан склонился над свечой. Потом повернулся и сказал:

— Ну, вот что, Василий. Давай-ка, брат, жми во все лопатки ко мне домой.

— Зачем? — спросил Васька.

— В сарае на верстаке лежат свечи. Принеси. Помоги, брат. Рыбалка не уйдёт, а тут общественное дело пропадает.

Дядя Митрофан стал зачищать вывернутые из мотора свечи. Васька снял рюкзак, положил его на гусеницу и бегом в хутор. Бегать он тоже умеет...

Свечи. Маленькие фарфоровые свечи со стальными усиками. Маленькие, а какая силища в них! Ввернул их дядя Митрофан в мотор, подсоединил провода от магнето, крутнул под радиатором заводной ручкой, и трактор, аппетитно чихнув, дымнул и, тихонько вздрагивая, заговорил.

— Хочешь, лезь в кабину, — предложил дядя Митрофан.

И поехали. Сделали круг, другой.

— Трудно рулить? — спросил Васька.

— Хочешь? — догадался дядя Митрофан.

— Хочу, — сознался Васька.

— Выйдем в конец загона, дам тебе развернуться.

Вот и конец загона. Дядя Митрофан дёрнул за верёвку, что протянута от автомата на плуге. Плуг поднатужился, выправил свою железную спину и приподнял над землёй блестящие лемехи. Трактор хохотнул, легко и быстро побежал по целине.

— Вот за этот рычаг потянешь, пойдёт направо, за этот — пойдёт налево, — объяснил дядя Митрофан. — Садись.

Уцепился Васька за рычаги, сам смотрит вперёд.

— Поворачивай! — кричит дядя Митрофан. — Поворачивать нужно направо.

Потянул на себя рычаг Васька. Трактор споткнулся и резко развернулся на правой гусенице.

— Легче, легче! — крикнул дядя Митрофан. — Поправь левым!

Васька потянул другой рычаг, «натик» крутнулся на левой гусенице.

Дядя Митрофан взялся за рычаги.

— Тут много силы не нужно. Подскажи ему рычагом, куда ехать, и он послушается.

На другом конце загона он напомнил:

— Беги на озеро.

— А ещё раз дашь развернуться?

— Если хочешь, дам.

...Шёл Васька домой, не намочив ни одной лесы, не скормив рыбам приманки из ржаных отрубей. И только поравнялся с домом Шурки Синюхина, услышал, как по брёвнам загремела цепь. На забор легли большие лапы и губастая голова собаки, и тут же высунулся Шурка Синюхин.

— Эй, рыбак! На развод рыбы оставил? Ты, наверно, носом землю пахал?

Васька догадался, что у него, как у дяди Митрофана, захватан грязными руками нос.

— Не носом, а плугом, — с достоинством ответил Васька.

— Плугом! Ха-ха! Носом, а не плугом.

Шурка хохотал, пёс привычно выполнял свою собачью службу — лаял вслед рыбаку.

ОН БЫЛ ПЕРВЫМ

В. ЧАЧИН

Ты впервые встал на лыжи. И вот уже на снежной горе. Перед тобой крутой спуск. Очень хочется спуститься вниз, но тебе страшно. Ведь ты ещё никогда не съезжал с горы.

Вот если бы кто первый съехал, а ты за ним.

И вот кто-то другой сильно оттолкнулся палками, бросился вниз.

Он низко-низко пригнулся, за спиной снежная пыль и ровный след лыжни.

Ты видишь, лыжник благополучно съехал, остановился, и вот

он уже приветливо машет тебе, зовёт.

И ты решаешься. Храбро отталкиваешься, слышишь, как свистит в ушах морозный ветер, видишь перед собой лыжню и, наконец, «ура!».

Ты съехал. И тебе уже хочется ещё и ещё раз испытать свою смелость. Так было и у первых лётчиков.

Ровно пятьдесят лет назад лётчики всего мира на своих летающих «этажерках» (так шутливо называли первые самолёты) мечтали сделать в воздухе «мёртвую петлю». Мечтали и боялись.

Они не знали, может ли человек летать вниз головой, гадали, не рассыплется ли самолёт на крутом подъёме и спуске, не заглохнет ли мотор. Лётчики всего мира ждали, кто будет первым.

И этим первым стал русский военный лётчик Пётр Нестеров.

9 сентября 1913 года он благополучно первым в мире проделал «мёртвую петлю». Её назвали «петлёй Нестерова».

И много лет спустя, в воздушных битвах за нашу Родину, советские лётчики бесстрашно проделывали «мёртвые петли», наносили из облаков самые неожиданные удары по фашистским самолётам, пикировали в море на вражеские корабли; из самых тяжёлых положений наши увёртливые истребители выходили победителями.

Далёкий подвиг Петра Нестерова помогал лётчикам в воздушных боях.

КОМУ НУЖЕН

Рис. Н. ЕРМОЛАЕВА

САМОЛЁТ, А КОМУ ВЕРТОЛЁТ?

Много разных самолётов и вертолётов в нашем небе. Разные они потому, что работа у авиации разная.

С палубы ледокола поднялся вертолёт. Сверху лётчику видно, где сплошные льды, а где разводья. По радио он подсказывает капитану, как выбрать дорогу полегче.

Другой вертолёт, больше и сильнее вертолёта-разведчика, помогает монтажникам в горах ставить опоры для электрической линии. Зацепит опору крюком, поднимет, перенесёт в нужное место и опустит точно на фундамент.

Маленький самолётик летает низко над виноградниками. Он что делает? Опыляет растения, чтобы уничтожить насекомых-вредителей.

Большой самолёт поднял в небо парашютистов. Он взлетел с аэродрома, где есть длинная дорога для разбега. А самолёт с пингвином легко взлетает с маленькой льдины и садится на льдину.

Попробуйте разобраться, где какой самолёт или вертолёт пролетел, какую машину ждут санитары, геологи? На чём прилетели пожарники тушить загоревшийся лес? К какому самолёту идут пассажиры?

ЗА ГЕРОЙСТВО

В. ГРАНДОВА

Нет для нашего народа человека дороже, чем Владимир Ильич Ленин. И поэтому мы все гордимся людьми, у которых есть орден Ленина.

Он сверкает на груди отважных космонавтов. Они не побоялись полететь в неизведанную высь и прославили нашу страну.

Орден Ленина носят и те, кто отстаивал честь Родины на земле, кто много сделал, чтобы страна была сильной и богатой.

Орден Ленина — на знамени пионерской организации. Это награда юным ленинцам за помощь Родине, Коммунистической партии, комсомолу. Пионеры всегда помогают старшим в труде. А когда Родина была в опасности, вместе с отцами и братьями защищали её от врагов.

Помните об этом, октябрята, и готовьтесь встать под знамя орденоносной пионерской организации!

Самый прекрасный орден, самая высокая награда Родины — орден Ленина. Но первым в нашей стране был учреждён военный орден Красного Знамени. Это потому, что первые годы жизни Советского государства были годами борьбы.

Был у нас в стране замечательный полководец Василий Константинович Блюхер. Вот он-то и получил самый первый орден Красного Знамени.

Шла гражданская война. Отряд красных бойцов, окружённый со всех сторон белогвардейцами, прорывался к своим. Бойцы были изранены, измучены. Но с ними шёл любимый командир. Спокойным, мужественным голосом он подбадривал боевых товарищей.

Под ураганным огнём отряд вступил на гору, где спрятались в засаде белогвардейцы. Отступать было нельзя.

— Вперёд! — скомандовал Блюхер и первым устремился в атаку.

Вот уж белые совсем рядом — начался рукопашный бой...

Белогвардейцы бежали. Вооружённые до зубов, они оказались слабее измученного отряда. Почему же?

На этот вопрос ответил сам Василий Константинович. Он сказал, что одной храбрости мало, чтобы стать героями. Главное, чтобы люди знали, за что они дерутся. Если цель у них справедливая — это придаст им силы.

Красные бойцы дрались за свободу, за будущее своей страны, за счастье людей. Отряд с боями прошёл по лесам и степям полторы тысячи километров и, встречаясь с белогвардейца-

И ЗА ТРУД

ми, всюду побеждал. А сам командир всё время был примером отваги и бесстрашия.

30 октября 1918 года Василий Константинович Блюхер за героический поход по Уральским горам был награждён орденом Красного Знамени.

А теперь посмотрите на орден Трудового Красного Знамени. В середине ордена изображена плотина, преградившая путь многоводной реке. Сколько труда понадобилось, чтобы построить эту плотину!

Когда кончилась гражданская война, в стране началось большое строительство. Строили заводы, фабрики, прокладывали железные дороги. На Днепре решено было построить гидростанцию, которая вырабатывала бы много электричества.

Сильные, горячие люди приехали на Днепрогэс. Большинство здесь были коммунисты и члены ленинского комсомола.

Особенно трудным для строителей оказался 1930 год. Огромное количество бетона надо было уложить в плотину до наступления зимы. И это было сделано! Весь мир узнал тогда, что строительство мощной гидростанции на Днепре подходит к концу.

1 мая 1932 года Днепрогэс дал ток! Сила реки превратилась в электроэнергию. Это был праздник всей страны!

Самые лучшие строители получили тогда высокую награду за свой труд — орден Трудового Красного Знамени!

Все ребята с восхищением глядят на башенные краны, которые крутят стальными «хоботами», поднимают груды кирпича и тяжёлые плиты.

На таком башенном кране работает знаменитый москвич Георгий Матвеевич Хаев. А знаменит он тем, что грудь его украшают три ордена Славы!

Помните, как бывает в сказках: три раза выходит добрый молодец творить чудесные дела и каждый раз всё большую силу и удаль показывает.

Вот так и герой-солдат Георгий Хаев. Три славных подвига совершил он в годы Великой Отечественной войны.

В первый раз прошёл он в тыл врага через минное поле и проволочные заграждения. Взял в плен и доставил в свою часть «языка» (так называли на фронте пленных фашистов). За это получил он орден Славы 3-й степени.

Во второй раз, рискуя жизнью, проследил разведчик путь гитлеровской танковой дивизии СС. С грохотом и скрежетом двигались танки к фронту. Полетела в советский штаб шифрованная радиограмма Георгия Хаева. И танковую колонну разбомбили наши лётчики! На груди у разведчика засиял орден Славы 2-й степени.

В третий раз, выполняя боевое задание, Георгий Матвеевич пробыл несколько суток в тылу врага, привёл в свою часть шесть «языков», уничтожил гитлеровского полковника — начальника лагеря советских военнопленных — и захватил в плен фашистского шпиона.

И стал разведчик кавалером всех трёх орденов Славы! А таких людей у нас в стране не так уж много — две с половиной тысячи. Вот он какой, крановщик Георгий Матвеевич Хаев!

КАЛЕНДАРЬ НА СЕНТЯБРЬ

ПОНЕДЕЛЬНИК	—	2	9	16	23	30
ВТОРНИК	—	3	10	17	24	—
СРЕДА	—	4	11	18	25	—
ЧЕТВЕРГ	—	5	12	19	26	—
ПЯТНИЦА	—	6	13	20	27	—
СУББОТА	—	7	14	21	28	—
ВОСКРЕСЕНЬЕ	1	8	15	22	29	—

2 сентября — начало учебного года.
8 сентября — День танкистов.
9 сентября — 50 лет назад русский лётчик П. Н. Нестеров первым выполнил «мёртвую петлю».
16 сентября — 45 лет со дня учреждения первого советского ордена — ордена Красного Знамени.

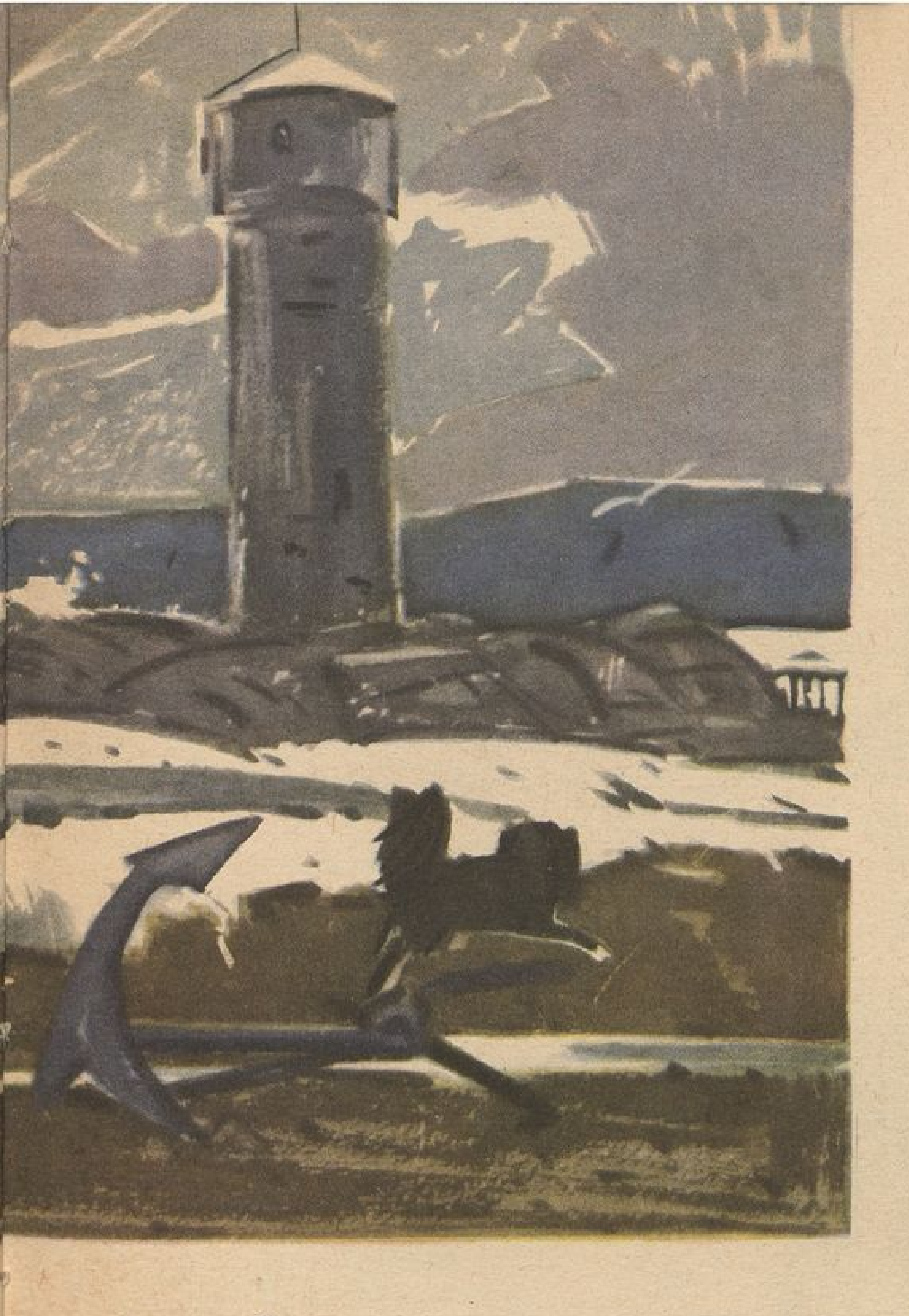
ТЕЛЬНЯШКА

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

Рис. А. ЛИВАНОВА

Подует после верхового ветра моряна — ветер с моря. Волны белые гребешки вденут и начнут причёсывать береговые пески. В саду рано утром яблоко упадёт на железную крышу, медленно покатится и останется в жёлобе, куда стекает дождевая вода. Но от этого звонкого стука, который издало упавшее яблоко, проснётся мальчик Серёжа. Начнёт потягиваться сладко. Зевнёт. И станет одеваться. Перво-наперво он тельняшку наденет. В тельняшке ему тепло и удобно. А подарил ему эту тельняшку старший брат, капитан дальнего плавания. Не расстаётся с тельняшкой Серёжа, иногда даже спит в ней. Мама ругает Серёжу за это. Хочет отнять тельняшку, потому что её уже надо стирать. Но Серёжа не может расстаться с ней даже на время. Ему кажется, что он нарушит морское «железное» правило, как говорят мальчишки у моря. И самое главное — в тельняшке он чувствует себя уверенно и не боится самых отчаянных драчунов. Серёжа гордо выпячивает грудь, подвешивает к поясу старый рыбацкий нож — «кортик» и выбегает во двор. Там его уже дожидается Норд — чёрный лохматый пёс, верный его друг и товарищ. Они идут к морю.

Море гремит, сердится, словно чем-то недовольно. Вдали показался маяк. Серёжа хорошо знает маячника — смотрителя

маяка. Это он, как только наступит ночь, зажигает огонь на маяке, чтобы не сбились с пути рыбаки в море, чтобы правильным курсом шли корабли. Сколько жизней спас этот добрый свет! Скольким кораблям указал светлую дорогу к родному причалу! А сейчас маячник спит. Отдыхает после трудовой ночи. И Серёжа не хочет будить его. Он лучше пока поиграет на берегу с Нордом, подождёт, пока дедушка проснётся.

Серёжа находит на берегу выброшенную морем палку. Вертит её в руках, как жонглёр в цирке. Потом размахивается и бросает далеко вдоль берега. Норд стремительно срывается с места. Уши у него прижаты к макушке, глаза сужены — кажется, что он летит по воздуху. И вот уже палка в его зубах. Норд весело машет хвостом и отдаёт палку Серёже. Они давно полюбили эту игру. А в тихую погоду Норд плавает за палкой даже в море.

Серёжа замечает, что катер, стоявший на приколе у причала, медленно отходит. Серёжа прислушивается: сейчас заработает мотор. Но нет! Мотор не работает. Значит, на катере никого нет. Ещё несколько минут, и катер унесёт штормовая волна далеко в море, развернёт бортом к встречному валу и перевернёт.

Надо бежать на маяк. Серёжа бежит, но скоро чувствует, что не успеть ему. Тогда он свистит Норду и показывает рукой на маяк: беги к маячнику! Норд, пошёл! Пёс понимает мальчика.

Мигом он взбегает по винтовой лестнице, мордой открывает дверь, кладёт тяжёлые лохматые лапы на грудь спящего маячника. Старый смотритель треплет Норда по голове. Но по тому, как пёс суетится, чует что-то неладное. Он выходит на наблюдательный мостик, смотрит на море и вдруг понимает, в чём дело. «Катер уносит!» — быстро передаёт он в телефонную трубку на спасательный пост.

И вот в море выходит спасательный катер, он догоняет «беглеца», берёт его на буксир. Это делает матрос, ловко перепрыгнувший с катера на катер. На причале — рыбаки. Они все по очереди жмут Серёже руку, как взрослому, а Норда гладят по голове и, нагнувшись, просят: «Дай лапу!» Старый маячник берёт на руки Серёжу и подымает высоко над головой. И Серёжа видит море далеко-далеко.

— Молодчина, Серёжа! Не зря ты носишь тельняшку!

Море глухо бьёт в сваи причала. Море злится и рычит, взметает рыбьи спины зелёных волн чуть ли не к небу.

А Серёжа с Нордом уже бегут домой. Дома, наверное, мама заждалась, волнуется: куда запропал Серёжа?

Ещё вчера мама хотела забрать у Серёжи его тельняшку, потому что папа прислал из Москвы новый костюм. Нет, Серёжа ни за что не снимет. Он будет и под костюмом её носить. Ведь это его морская душа. И в школу он пойдёт на будущий год в тельняшке, чтобы все видели, как он любит море, чтобы все знали, что он станет настоящим каспийским рыбаком. А рыбаки — люди смелые и отважные. Попутного им ветра!

КАК НАЧИНАЕТСЯ РЕКА

Василий ФЕТИСОВ

Рис. Е. МОНИНА

Начинается
река
ручейком
из родника.

То букашка,
то зверёк
подойдёт —
напьётся.

Паутинка
поперёк
шелковинкой
вьётся.

Из травы
два муравья
выстроили мостик,
чтоб заречные друзья
заходили в гости.

Водомерка
по воде
бегает, резвится.

И синица-щеголица
в зеркало
глядится.

А ручей
журчит, поёт!
День и ночь
бежит вперёд!

Потерял ручей
покой:
очень хочет
стать рекой!

Хорошая книжка.

Рис. А. ПАХОМОВА

НЕПОСЛУШНАЯ БУКВА

Ванда ХОТОМСКАЯ

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА
М. СКОБЕЛЕВА

На свете мальчик Юлька жил,
Тот Юлька «эр» не говорил,
Не выговаривал никак:
Увидит рака, скажет: «Л а к...»

Друзьям рассказывал он в школе,
Что все киты родятся в м о л е,
Что в южных солнечных долинах
Растут на ветках м а н д а л и н ы.

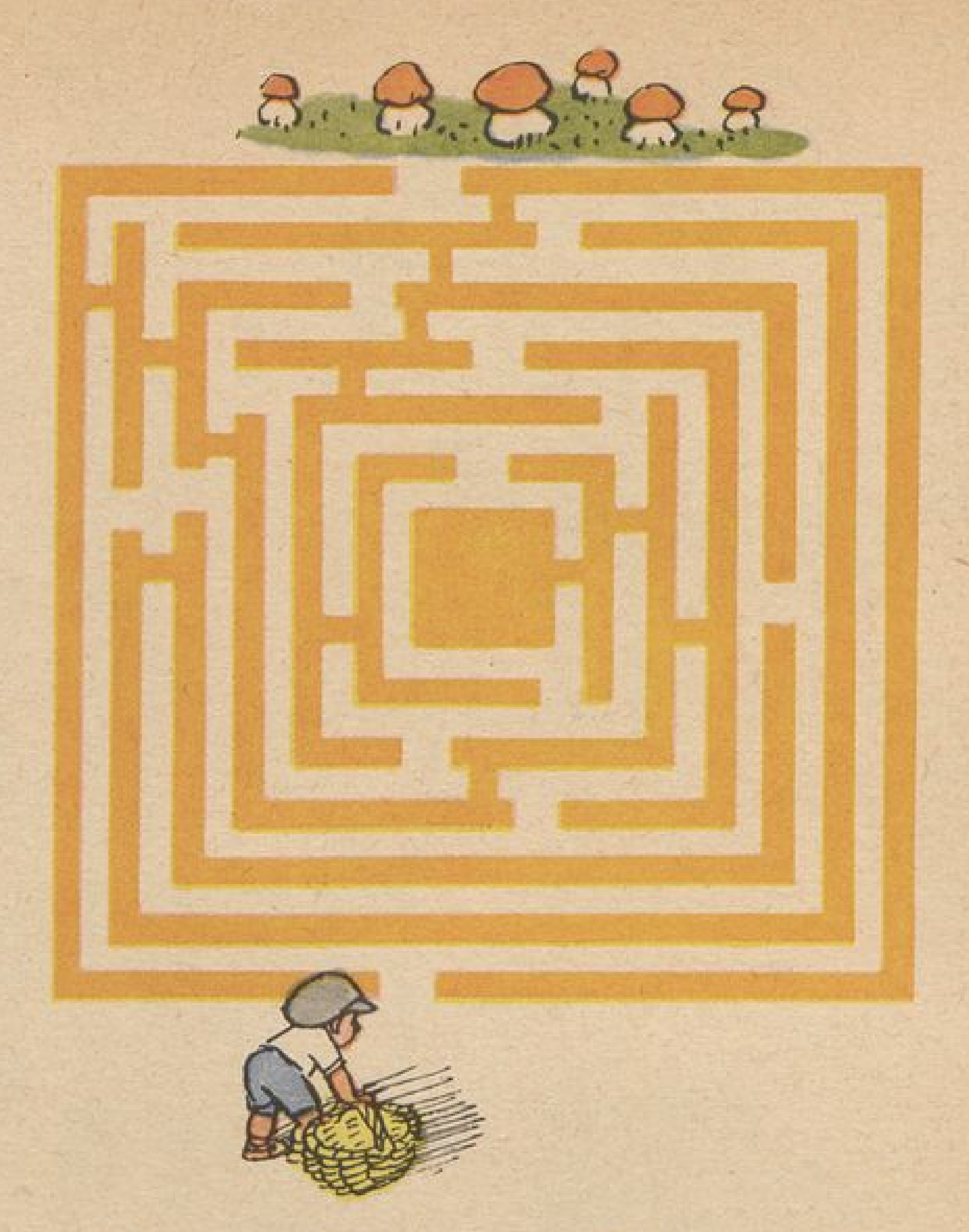
Следить тогда за Юлькой стали,
Родные Юльку поправляли,
Чтоб в каждом слове вместо «эль»
Он твёрдо «эр» сказать умел.

Ему пошла наука впрок:
Он «эль» теперь сказать не мог.
Вчера обрадовал он маму:
— Я в зоопарке видел р а м у!

Всех за обедом удивил:
— Я снова суп п е р е с о р и л!
Он называет булку б у р к о й
И говорит, что стал он Ю р к о й!.

Перевёл с польского
Л. Кондрашенко

Помоги мальчику пройти к грибам.

Чья это одежда?

Отрежь стр. 21—22 и сложи так, чтобы у тебя получилась книжка-малышка.

Татьяна Волгина
Вредная муха

Вздохнула Наташа:
«Что делать с бедняжкой?
Сейчас я тебя промокну
промокашкой».
Но вырвалась муха
И, словно шаля,
Пошла по тетрадям
писать кренделя!

Тихонько привстала
Наташа со стула
И, вытянув шею,
На муху подула...

Встопорщилась муха,
борясь с ветерком,
И прямо в чернильницу —
Плюх кувырком!

На веточку
Сел за окном воробей,
И стала задача
Решаться трудней.

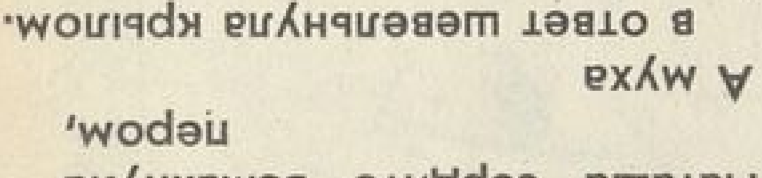
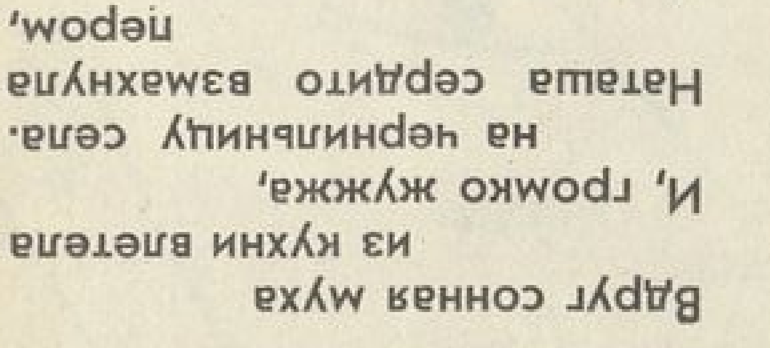

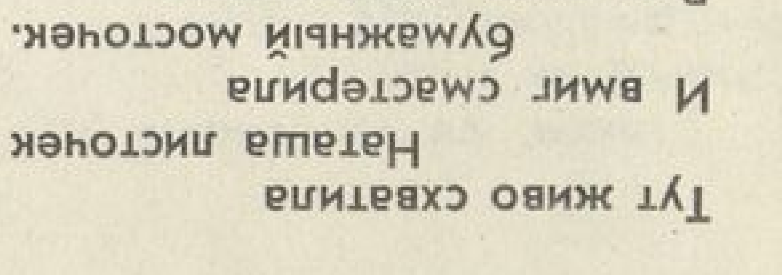
Рисунки В. ПЕРЦОВА

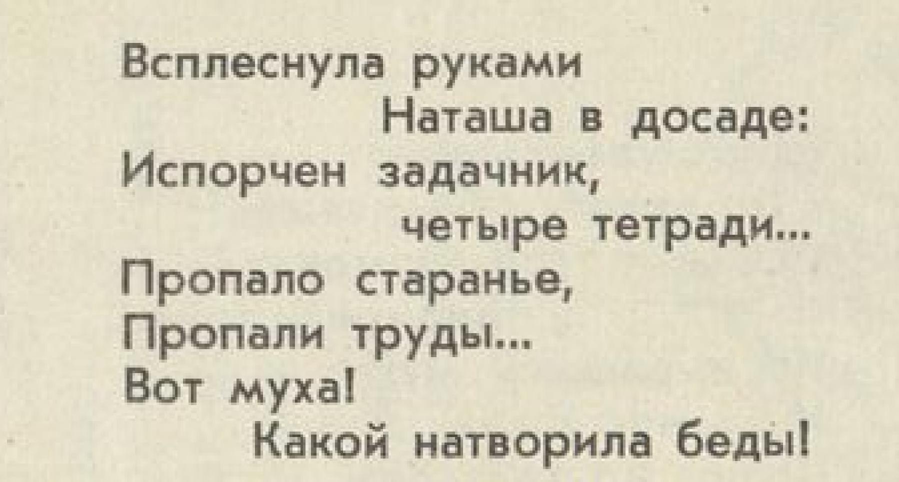
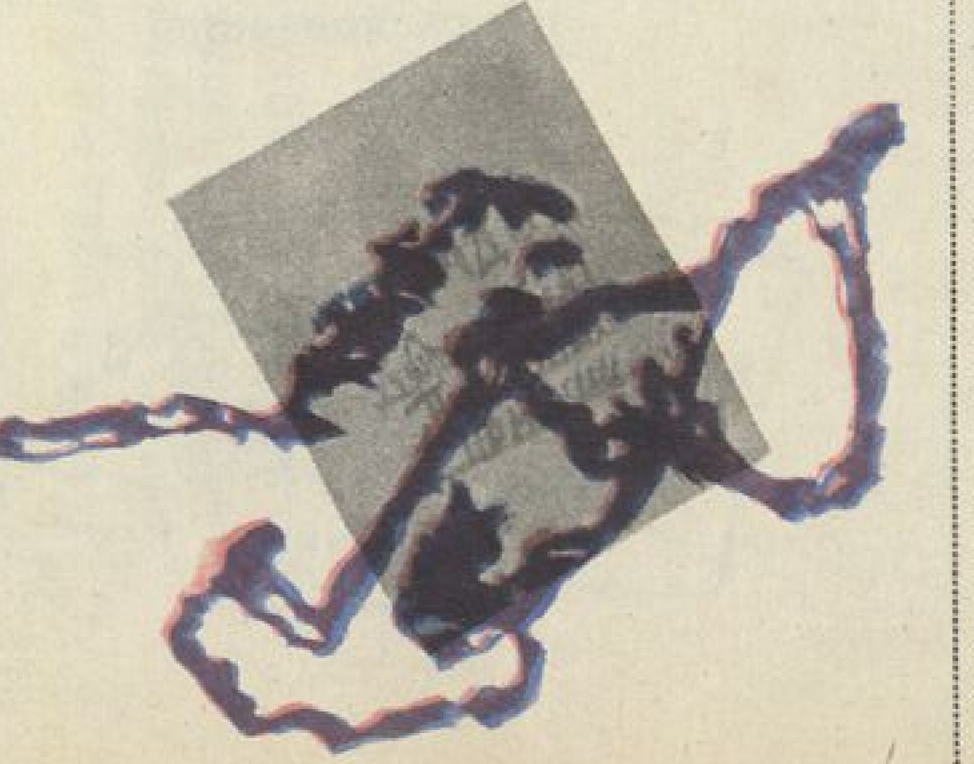
Сидела Наташа —
задачу решала,
А солнце светило,
Наташе мешало...

Вдруг сонная муха
из кухни влетела
И, громко жужжа,
на чернильницу села.
Наташа сердито взмахнула
пером,
А муха
в ответ шевельнула крылом.

Тут живо схватила
Наташа листочек
И вмиг смастерила
бумажный мосточек.
Вот муха, растерянно
лапкой тряся,
Ползёт по мосточку —
лиловая вся.

Всплеснула руками
Наташа в досаде:
Испорчен задачник,
четыре тетради...
Пропало старанье,
Пропали труды...
Вот муха!
Какой натворила беды!

Рис. М. ЗОТОВОЙ

Мурзилка (самоделка)

Ребята!

Среди ваших кукол, наверно, нет куклы Мурзилки. Вот как его можно сделать. Взять небольшое махровое полотенце или трикотажный лоскут, покрасить в яркий жёлтый цвет и выкроить, как указано на рисунке.

Голову можно сделать из старого мячика, вырезав в нём отверстие для пальца, а можно и из чулка, набитого ватой.

В отверстие мячика вставляется трубочка, склеенная из плотной бумаги, чтобы удобнее было держать куклу на руке.

Глаза и нос Мурзилке сделайте из чёрных пуговиц. Вышейте реснички и пришейте ухо.

Из красной материи сшейте берет или свяжите крючком из шерсти. Повяжите нарядный шарфик — и Мурзилка готов.

Теперь можно новую куклу надеть на руку: большой и средний пальцы — в рукава, а указательный — в трубочку, самому спрятаться за ширму, а Мурзилку выставить наверх и начать представление.

Индекс
70550

Дятел

Заяц

Тетерев

Лиса

Медведь

Рисунок на обложке Г. НИКОЛЬСКОГО

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Художественный редактор **Ю. Молоканов** Технический редактор **Л. Петрова**

Год издания тридцать девятый. Цена 10 коп. Подп. к печати 13/VII 1963 г. Бумага 60×90 1/8. Печ. л. 3(3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 1078. Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.

Белый
гриб

